

В суде — эпизод 1 из 2

В уездном городе Нске, в казенном коричневом доме, где, чередуясь, заседают земская управа, мировой съезд, крестьянское, питейное, воинское и многие другие присутствия, в один из пасмурных осенних дней разбирало наездом свои дела отделение окружного суда. Про названный коричневый дом один местный администратор сострил:

Тут и юстиция, тут и полиция, тут и милиция совсем институт благородных девиц.

Но, вероятно, по пословице, что у семи нянек дитя бывает без глаза, этот дом поражает и гнетет свежего, нечиновного человека своим унылым, казарменным видом, ветхостью и полным отсутствием какого бы то ни было комфорта как снаружи, так и внутри. Даже в самые яркие весенние дни он кажется покрытым густою тенью, а в светлые, лунные ночи, когда деревья и обывательские домишки, слившись в одну сплошную тень, погружены в тихий сон, он один как-то нелепо и некстати, давящим камнем высится над скромным пейзажем, портит общую гармонию и не спит, точно не может отделаться от тяжелых воспоминаний о прошлых, непростительных грехах. Внутри всё сарайно и крайне непривлекательно. Странно бывает видеть, как все эти изящные прокуроры, члены, предводители, делающие у себя дома сцены из-за легкого чада или пятнышка на полу, легко мирятся здесь с жужжащими вентиляциями, противным запахом курительных свечек и с грязными, вечно потными стенами.

Заседание окружного суда началось в десятом часу. К разбирательству было приступлено немедленно, с заметной спешкой. Дела замелькали одно за другим и кончались быстро, как обедня без певчих, так что никакой ум не смог бы составить себе цельного, картинного впечатления от всей этой пестрой, бегущей, как полая вода, массы лиц, движений, речей, несчастий, правды, лжи... К двум часам было сделано многое: двоих присудили к арестантским ротам, одного привилегированного лишили прав и приговорили к тюрьме, одного оправдали, одно дело отложили...

Ровно в два часа председательствующий объявил к слушанию дело по обвинению крестьянина Николая Харламова в убийстве своей жены. Состав суда остался тот же, что был и на предыдущем деле, только место защитника заняла новая личность молодой, безбородый кандидат на судебные должности в сюртуке со светлыми пуговицами.

Введите подсудимого! распорядился председатель.

Но подсудимый, заранее приготовленный, уже шел к своей скамье. Это был

высокий плотный мужик лет 55, совершенно лысый, с апатичным волосатым лицом и с большой рыжей бородой. За ним следовал маленький, тщедушный солдатик с ружьем.

Почти у самой скамьи с конвойным произошла маленькая неприятность. Он вдруг споткнулся и выронил из рук ружье, но тотчас же поймал его на лету, причем сильно ударился коленом о приклад. В публике послышался легкий смех. От боли или, быть может, от стыда за свою неловкость солдат густо покраснел.

После обычного опроса подсудимого, перетасовки присяжных, переклички и присяги свидетелей началось чтение обвинительного акта. Узкогрудый, бледнолицый секретарь, сильно похудевший для своего мундира и с пластырем на щеке, читал негромким густым басом, быстро, по-дьячковски, не повышая и не понижая голоса, как бы боясь натрудить свою грудь; ему вторила вентиляция, неугомонно жужжавшая за судейским столом, и в общем получался звук, придававший зальной тишине усыпляющий, наркотический характер.

Председатель, не старый человек, с до крайности утомленным лицом и близорукий, сидел в своем кресле, не шевелясь и держа ладонь около лба, как бы заслоняя глаза от солнца. Под жужжанье вентиляции и секретаря он о чем-то думал. Когда секретарь сделал маленькую передышку, чтобы начать с новой страницы, он вдруг встрепнулся и оглядел посовелыми глазами публику, потом нагнулся к уху своего соседа-члена и спросил со вздохом: Вы, Матвей Петрович, остановились у Демьянова?

Да-с, у Демьянова, ответил член, тоже встрепенувшись.

В следующий раз, вероятно, и я у него остановлюсь. Помилуйте, у Типякова совсем нельзя останавливаться! Шум, гвалт всю ночь! Стучат, кашляют, детишки плачут... Невозможно!

Товарищ прокурора, полный, упитанный брюнет, в золотых очках и с красивой, выхоленной бородой, сидел неподвижно, как статуя, и, подперев щеку кулаком, читал байроновского Каина. Его глаза были полны жадного внимания и брови удивленно приподнимались всё выше и выше... Изредка он откидывался на спинку кресла, минуту безучастно глядел вперед себя и затем опять погружался в чтение. Защитник водил по столу тупым концом карандаша и, склонив голову набок, думал... Его молодое лицо не выражало ничего, кроме неподвижной, холодной скуки, какая бывает на лицах школьников и людей служащих, изо дня в день обязанных сидеть на одном и том же месте, видеть всё те же лица, те же стены. Предстоящая речь его нисколько не волновала. Да и что такое эта речь? По приказанию начальства, по давно заведенному шаблону, чувствуя, что она бесцветна и скучна, без страсти и огня выпалит он ее перед присяжными, а там дальше скакать по

грязи и под дождем на станцию, оттуда в город, чтобы вскоре получить приказ опять ехать куда-нибудь в уезд, читать новую речь... скучно!

Подсудимый сначала нервно покашливал в рукав и бледнел, но скоро тишина, общая монотонность и скука сообщились и ему. Он тупо-почтительно глядел на судейские мундиры, на утомленные лица присяжных и покойно мигал глазами. Судебная обстановка и процедура, ожидание которых так томило его душу, когда он сидел в тюрьме, теперь подействовали на него самым успокоивающим образом. Он встретил здесь совсем не то, что мог ожидать.

Над ним тяготело обвинение в убийстве, а между тем он не встретил здесь ни грозных лиц, ни негодующих взоров, ни громких фраз о возмездии, ни участия к своей необыкновенной судьбе; ни один из судящих не остановил на нем долгого, любопытного взгляда...